

Элмер сидел на краю переулка напротив железнодорожного вокзала Аткинсона и дожёвывал остатки хлеба, оставшегося от их с Мейбл ночного ужина — правда, ужина не было ночью, он был съеден сегодня утром.

Он был настолько измотан, что его разбудил лишь холодный предрассветный ветерок, ворвавшийся в комнату. И он бы проклял этих пиявок за то, что они заставили его целый день морить сестру голодом, если бы не замаскированное благословение, которое принесло ему взамен их высасывание крови; благословение это было не что иное, как горячая вода.

Проспав, он сильно разозлился, но быстрое осознание того, что он мог проснуться раньше всех в квартире, помогло ему извлечь из этого максимальную пользу. И, похоже, это благословение каким-то образом сопровождало его до самого полудня.

Казалось, сегодня ничто не идет ему наперекосья. Он быстрее нашёл карету и уже заработал на десять пенсов больше, чем вчера.

Это было великолепно.

И к тому же то самое солнце, которое когда-то испепелило его до бесчувствия, теперь грело его от всей души. В этом переулке хлеб был даже вкуснее, чем утром. Все было почти идеально, и самое подходящее время погрузиться в свои мысли.

«Наверное, мне следует навести справки о колледже Церкви Времени...» — размышлял Элмер.
«Но с чего начать...?»

— Нам следует стать охотниками за головами, так мы заработаем больше денег.

«Денег...?»

Эти слова пронеслись в ушах Элмера, когда он погрузился в свои мысли, и, как ни странно — а может, и нет, раз речь шла о деньгах, — они так сильно отозвались в нём, что он оторвал взгляд от хлеба и повернулся, чтобы поискать их источник.

И тут, тщательно пережевывая кусок хлеба во рту, он обнаружил того, кому принадлежали слова, сорвавшиеся с губ.

Это был мальчик не старше его и одетый не иначе, чем он.

Оба они были одеты в потертые туники, подпоясанные коричневыми подтяжками на пуговицах, и штаны — чуть лучше, чем одежда другого мальчика, сидевшего рядом с тем, кто привлёк внимание Элмера.

На этом мальчике была рубашка, залатанная без зазрения совести, да и штаны были не лучше. Но сапоги у него были вполне приличные, хотя казалось, что подошвы скоро разойдутся в разные стороны — по крайней мере, пока что он наслаждался их обществом.

— Охотники за головами? — стонал мальчик в заплатках, проводя пальцем по грязному полу переулка. — Мы даже не можем заставить себя зарабатывать на ношении мешков, а уж охотниками нам и вовсе не стать.

«Охотники за головами, кто это...?» — задался вопросом Элмер, отрезая себе ещё один кусок хлеба и жуя его, слушая мальчиков, сидящих напротив него.

Мальчик, одетый так же, как Элмер, энергично повернулся лицом к боковым чертам того, кто всё ещё чертил пальцем на полу, казалось, ничуть не обеспокоенный тем, что его друг смотрит на него пристальными глазами, в которых нет ничего, кроме решимости.

— Но это ложь, Ньют, — сказал мальчик, который не был Ньютом, сильным голосом, полным решимости. — Мы можем стать охотниками, нам просто нужно это.

— Это...? Какое «это»...? — Элмер оторвал ещё один кусок хлеба и молча жевал с любопытным выражением на лице.

Ньют перестал чертить по полу.

— Но это же дорого, разве ты не понимаешь, Ник? Мы никогда не сможем получить такие деньги, поднимая мешки.

«Пожалуйста, кто-нибудь из вас может просто сказать, что это за «это» ...?!» — сглотнул Элмер и быстро отрезал ещё один кусок хлеба, чтобы держать рот наготове. Теперь он грыз сыр, как крыса.

Несмотря на беспокойство Ньюта, в глазах Ника не было и следа ослабления.

— Я знаю, где мы можем купить его дешевле. — улыбнулся Ник, и Ньют наконец отвёл глаза.

— Это шарлатаны, — решительно объяснил Ньют, настолько решительно, насколько позволял ему робкий голос. — У них нет печати императора. Кто знает, что с нами случится, если мы пойдём к ним.

— Тогда что ты хочешь, чтобы мы сделали? — Ник скорчил гримасу и разочарованно добавил: — Мы всё время пытаемся найти несколько сумок для самодовольных джентльменов и леди за какие-то пенсы? Отрасти позвоночник, Ньют. Хватит с меня твоей нерешительности.

Их разговор отклонился от того, что Элмер хотел услышать, и он недовольно нахмурил брови, продолжая проворно жевать, надеясь, что они как-нибудь вернуться к удовлетворению его любопытства.

Несмотря на незаслуженное оскорбление со стороны Ника, Ньют, казалось, ничуть не обеспокоился: на его лице не появилось ни единой складки, свидетельствующей о хмуром настроении. У него было такое же робкое выражение, как и раньше, только на этот раз более угрюмое.

— Ладно, — вздохнул Ньют, снова вычерчивая следы на полу. — Так как же мы собираемся достать деньги на...

— Эй!

Голос, крошечный, но мучительно громкий, оторвал Элмера от разговора, в который он был полностью погружён, и так сильно испугал его, что он едва не выронил остатки хлеба.

Ему это ни капельки не понравилось. И дело было вовсе не в крике, от которого его лицо исказилось от злости, а в том, что он подозревал, что Ньют и Ник наконец-то собираются сообщить ему, что же это такое. Но его только что выдернули из того, что он предвкушал последние минуту-другую, и, что ещё хуже, невольно.

«Что это за странное животное, которое может кричать так близко от человека?»

Элмер резко повернулся, отрывая взгляд от хлеба и поднимая глаза туда, откуда доносился голос.

Перед ним стояла преступница в тёмно-коричневом подъюбнике и коричневых высоких сапогах со шнуровкой, а кожаный корсетный пояс, на котором висел небольшой мешочек, был туго перетянут вокруг её талии. Она стояла, сложив руки, поставив правую ногу под углом к другой, отчего её бедро слегка обнажалось сквозь разорванную юбку платья.

Её веснушчатое лицо ничем не примечательно, а вот рыжие волосы, грубо уложенные за голову, — да.

— Страусиха? — недоверчиво пробормотала Элмер, и её лицо сжалось ещё сильнее.

— Что? — Она наклонилась ближе, но расстояние между местом где он сидел и её ростом было слишком велико, чтобы она могла дотянуться до него. — Как ты меня только что назвал?

Элмер прочистил горло и проигнорировал её вопрос.

— Что ты... — Он внезапно прервал себя, увидев, как Ник и Ньют нерешительно перебегают в другой угол.

«Подождите! Нет. Почему они уходят...?»

— Я задала вопрос? — Голос страусихи снова донёсся до Элмера, когда Ник и Ньют устроились в новом углу, и он сразу понял причину их внезапного перемещения.

Элмер сморщил нос, упершись в переносицу круглых очков, и устремил свирепый взгляд на склонившуюся над ним даму.

— Тынаешь, чего ты мне сейчас стоила? — произнёс он.

Страусиха была ошеломлена.

— Что?

— Ты... ты... — Элмер не мог найти слов, чтобы выразить свою подслушанную речь. — Забудьте об этом. — Он вздохнул с чем-то похожим на смесь поражения и разочарования. — Чего ты хочешь? Если хдеб, то он мой, я тебе его не отдам. — бросил он на неё взгляд.

— Что? — Страусиха пожала плечами и, выпрямившись, насмешливо произнесла. — Мне не нужен твой хлеб. Зачем мне твой хлеб?

— Хорошо, — надменно ответил Элмер.

— Сколько ты заработал? — зашипела страусиха.

Губы Элмера дернулись.

— А?

Что это был за вопрос? Зачем ей знать, сколько он сегодня заработал?

Она вдруг резко опустилась перед ним, чувствуя себя слишком уютно в его присутствии.

— Так что? Сколько ты заработал?

— Почему я должен тебе говорить? — нахмурился Элмер.

«Кто она вообще такая? Может, карманник, и она просто пыталась его отвлечь? Вероятно, это казалось наиболее правдоподобным. Но он ни за что не позволил бы украсть у себя что-нибудь. И ещё, что самое главное, она выглядела опасной — слишком опасной для такой красотки.»

«Красивые люди всегда опасны...» — напомнил себе Элмер. Чем они красивее, тем опаснее...

Элмер тут же попытался отстраниться от неё, отступив назад, но стена за его спиной сделала это невозможным.

«Чёрт...» — Элмер знал, что будет дальше. Ему нравилось это место, он не хотел переезжать, но теперь, когда в его уголок спокойствия забрался вредитель хуже кровососущих пиявок, похоже, у него не оставалось другого выбора.

— Я видела, как ты садился в его машину. — Элмер уже собирался встать, но эти слова из тонких губ дамы-страуса каким-то образом удержали его на месте.

— Ты близок с этим джентльменом? Куда он тебя отвёз? Сколько ты заработал? — Улыбка мягко расплылась по её щекам, и, глядя в её расширившиеся глаза, Элмер уже не мог уйти.

«Она опасна...»

— Почему ты спрашиваешь? — Элмер положил правую руку — свободную от хлеба — на поясную сумку. Если она хочет удержать его здесь и не дать уйти, то единственное, что он мог сделать, — это защитить от неё свою сумку. — Почему я должен тебе что-то рассказывать? — добавил Элмер, сузив глаза так скептически, что линзы его круглых очков могли бы соединиться, если бы они были гибкими.

— Потому что ты мне должен. — Вырвавшись из губ, приоткрытых в странной, но заманчиво-уютной улыбке, эти слова заставили Элмера слегка вздрогнуть.

— Я тебе должен? — Элмер был ошеломлен настолько, что рука, защищавшая его поясную сумку, почти ослабла. Он быстро взял себя в руки, чтобы не допустить подобного злодеяния, но на его лице все равно застыло растерянное выражение.

— Да, — ответила ему страусиха. — Разве это не было очевидно? Я позволила тебе добраться до человека первым.

Элмер тихо прохрипел. Он был поражен великим заблуждением этой дамы, настолько, что сам себя заставил расслабиться.

«Она такая же тупая, как и все остальные... Что значит, она позволила мне первой добраться до мужчины...? У такого человека никогда не хватило бы ума украсть его сумку».

— Итак? Сколько ты заработал? — снова добавила она, и Элмер понял, что она не остановится, пока он не даст ей то, что она хочет.

— Три минта. — вздохнул он, уступая её настойчивости и надеясь, что этого будет достаточно, чтобы она оставила его в покое. Но, увы, это только усугубило его положение.

Её глаза расширились и заблестели, и она, сгорбившись, поспешила занять сидячее положение прямо рядом с ним, заставив Элмера отпрянуть и пожать плечами.

— Познакомь меня с ним, — сказала она Элмеру, — я сделаю всё, что угодно.

«Почему ты так отчаянна, леди... Я не то чтобы не понимаю нужды в деньгах, но откуда столько отчаяния...?» — Элмер сердито посмотрел на неё, но ей, похоже, было всё равно.

— Я не могу, — сказал ей Элмер правду. — У меня нет способа связаться с ним...

— Имя, — оборвала она слова Элмера, заставив его слегка наклонить голову, чтобы понять, что она имеет в виду. — Назовите мне имя. Я умею находить людей, я сама доберусь до него.

Она наклонилась ближе к нему с неистойвой тоской, дразнящей её лицо. Элмер слегка отступил назад и тут же подтвердил, что не намерен рассказывать дегенератке о том, что его нанял сын городского магистрата. Кто знает, какое безумие она может выкинуть?

— Я не знаю имени, — солгал он, что резко отличалось от той правды, которую он говорил несколько секунд назад. — Может, теперь ты оставишь меня в покое?

Страусиха зашипела и прислонилась к стене, глядя на небо. Решимость, окрасившая её лицо, улетучилась быстрее, чем появилась. Элмер был рад, что она оставит его сейчас.

Но вдруг она протянула руку.

— Хлеб, — попросила она. — Дай мне хлеба, я голодна.

Ты что, с ума сошла...? Зачем мне отдавать тебе свой хлеб? В ответ на ее просьбу Элмер захихикал, чтобы поддразнить ее за глупость.

— Проаливай, леди, — усмехнулся Элмер. — Разве я уже не сказал тебе, что не отдам тебе свой хлеб?

И с этими словами воздух вокруг них застыл, и осталась только тишина, если не считать постоянного ропота других людей в переулке, конечно.

Элмер не сводил с неё глаз, даже когда она продолжала смотреть на небо. Он не отрывал взгляда, ожидая следующих слов, которые должны были сорваться с её губ, но их не последовало, и это удивило его.

Неужели его слова причинили ей какую-то боль? Элмеру стало не по себе. Возможно, ему следовало быть более внимательным к тому, что он сказал. Он знал, как тяжело жить крестьянину, и вполне возможно, что она действительно была голодна. Возможно, даже так же, как и он сам вчера.

В конце концов, это был всего лишь хлеб, и он вполне мог поделиться с ней.

Элмер с выдохом закрыл глаза, а когда открыл их в следующий раз, перед ним оказалось лицо, усеянное веснушками, которое пристально смотрело на него.

Это вызвало у него внезапный испуг, который заставил его расслабленно вздохнуть, прежде

чем он заметил, что хлеба больше нет в его руках.

Разинув рот, он не мог поверить себе. Как он мог подумать, что дегенератку могут задеть простые слова, которые он произнёс. Скорее всего, она слышала и не такое.

— Итак... — Поглощая его хлеб, она снова заговорила с ним. — Зачем ты подслушивал тех парней?

Элмер поправил очки, закрыв рот. Он знал, что просьба вернуть хлеб, скорее всего, окажется безрезультатной. По крайней мере, она украла хлеб, а не его деньги. И...

— Как ты узнал, что я их подслушаю?

— Я не слепая, — ответила женщина, сглотнув. — Так что? Зачем?

— Ничего, мне просто было любопытно, что они обсуждают, — сказал он ей, немного замешкавшись.

Дама хмыкнула, проглотив последний кусок его хлеба.

— Четыре пенса, и я расскажу тебе всё, что они знают. — Она протянула к Элмеру ладонь, наполненную крошками.

Элмер чуть не рассмеялся, но вместо этого фыркнул.

— Зачем мне платить тебе, если я могу просто спросить их бесплатно?

Страусиха обратила на Элмера свои глубокие карие глаза.

— Они попросят больше. — Она подняла палец в знак предупреждения.

Элмер насмешливо хмыкнул.

— Тогда давай проверим это на практике, а?

<http://tl.rulate.ru/book/104179/3643663>